

Олег Пет

Итальянские мотивы

Сказка о мальчике
Рикардо

Олег Пет

Сказка о мальчике Рикардо

«Автор»

2026

Пет О.

Сказка о мальчике Рикардо / О. Пет — «Автор», 2026

На севере Италии, где туман лежит на черепице, жил мальчик. Он был не очень смелый. Просто внимательный. Мать уехала на ярмарку. Отец ушёл на охоту и не вернулся. Ночью пришёл Фавн — мальчик, заколдованный Гианами много лет назад. Он сказал: отец в плену. Его ждёт смерть. Мальчик пошёл в лес. Сальванелли попросили украсть лошадей. Агуане разрешили замутить воду. Гианы загадали три загадки. Мальчик все прошел. А потом увидел, как упала нить. Он вставил её в ткань Судеб — и где-то далеко растаял снег. Навсегда. Отец вернулся. С ним был ребёнок. Дома их ждали. Всё стало как раньше. И всё было по-другому.

© Пет О., 2026

© Автор, 2026

Олег Пет

Сказка о мальчике Рикардо

Сказка о мальчике Рикардо

Эта сказка посвящается маленькому итальянскому мальчику, который родился зимой, когда туман лежал на черепице, и его прекрасной маме.

Той, что умела наполнять дом шумом, не повышая голоса. Той, что ждала у окна, хотя знала, что ждать бесполезно. Той, что взяла на руки чужого ребёнка и сказала: «Будет ещё один». Той, что топила печь, когда возвращалась, — не потому, что было холодно, а потому, что не умела сидеть сложа руки.

И тому, кто однажды поймёт: самое важное в жизни — это не подвиги и не загадки. Это тишина, в которой кто-то ждёт тебя дома. Это хлеб, круглый, с трещиной сверху. От счастья. Это нить, которую кто-то вставил в ткань Судеб — и где-то далеко растаял снег. Медленно. Тихо. Навсегда.

Пусть их дорога будет ровной. Пусть снег тает под апрельским солнцем. Пусть дома всегда горит свет. И малыши всегда похожи на облачко.

Олег Пет

1. Жизнь в деревушке на севере Италии

На севере Италии, там, где горы стоят так близко, что кажется, будто они устали от людей и хотят уйти дальше, был маленький городок. В нём не было ничего особенного. Церковь с тонкой колокольной, несколько улиц, каменные дома с низкими дверями, каштаны за околицей и туман, который по утрам лежал на черепице, как мокрая шерсть.

Люди в этом городке жили тихо. Они не любили громких слов. Если кто-то уезжал, ему махали рукой и говорили: «Ну, до воскресенья». Если кто-то не возвращался, сначала молчали, потом шли искать. Так было принято. В этих местах умели ждать и умели не задавать лишних вопросов. Жить просто.

В одном из домов жил мальчик. Звали его Рикардо. Ему было столько лет, сколько бывает у детей, которые уже понимают, что взрослые не всегда знают, что делают, но ещё верят, что взрослые всё-таки справятся. Он был не очень смелый. Он был просто внимательный. А иногда этого достаточно.

Отец его был охотником. Не потому, что любил убивать, а потому, что так было нужно. Он приносил домой дичь, чистил ружьё у огня и говорил мало. Мать была женщиной, которая умела наполнять дом шумом, не повышая голоса. Она двигала стулья, открывала ставни, грела посудой, и от этого казалось, что жизнь идёт правильно. Сестра была младше и всё время что-то теряла: ленту, пуговицу, способность сидеть на месте.

Дом стоял у края улицы. За ним начинался лес. Мальчик часто смотрел в ту сторону, но не заходил далеко. Лес был не злой. Он был равнодушный. А равнодушие иногда страшнее злобы.

Но иногда Рикардо всё-таки заходил в лес. Не глубоко — так, чтобы ещё видеть крышу дома. Он играл там. Один. У него не было друзей: в городке дети либо работали, либо уезжали, либо просто не замечали его. Мальчик не обижался. Он привык.

Он строил из веток шалаши, которые разваливались к утру. Он пускал по лужам кору и смотрел, как она тонет. Он находил в мху камни, похожие на лица, и разговаривал с ними. Он не ждал ответа. Ему просто нравилось, что кто-то молчит рядом.

Однажды он нашёл в лесу старую яму, обложенную камнями. Яма была глубокая, и на дне её блестела вода. Мальчик долго сидел на краю и смотрел вниз. Ему казалось, что если долго смотреть, то можно увидеть что-то важное. Но он так ничего и не увидел. Только своё отражение — худое лицо и тёмные глаза.

Он часто оставался в лесу до сумерек. Мать ругала его, но не сильно. Отец ничего не говорил. Однажды он только сказал:

— В лесу не бойся тишины. Бойся, когда она слишком долго молчит.

Мальчик не понял тогда. Но запомнил.

2. Мама с сестрой уезжают на ярмарку

В то утро мать собиралась на ярмарку. Ярмарка была в соседнем городке, и туда ехали все, у кого были ноги, деньги или надежда. Сестра крутилась вокруг, примеряла ленту и спрашивала, будет ли там карусель. Мать отвечала: «Будет, если не сломается». Она складывала в корзину сыр, хлеб и что-то ещё, завёрнутое в тряпицу.

Рикардо стоял у двери. Он не просился с ними. В этом доме не принято было проситься. Если бы его хотели взять, сказали бы. Но мать сказала только:

— Останешься с отцом. Присмотри за домом. Ты старший.

Она поцеловала его в лоб быстро, как будто боялась задержаться. Сестра помахала рукой и тут же уронила ленту. Мать подняла её, вздохнула, и они ушли.

Дом сразу стал больше. Так всегда бывает, когда уезжает тот, кто умеет наполнять комнаты шумом. Мальчик сел у окна и стал слушать тишину. В трубе гудел ветер. Где-то за стеной мычала корова. Потом и это стихло.

Он прошёл в комнату и сел у окна. На столе осталась крошка от хлеба. Он смахнул её в ладонь и съел. Ему было не грустно. Или грустно, но он не знал, как это называется. Он просто сидел и смотрел на улицу, где уже никого не было.

Отец ещё не вставал. В доме было тихо. Рикардо подумал, что ярмарка, наверное, далеко. И что мать с сестрой вернутся еще не скоро. И что до вечера ещё очень долго.

Он не знал, что до вечера ему придётся ждать не только их.

3. Отец уходит на охоту

Отец встал поздно. Он не торопился. В этом доме вообще не торопились, если не было причины. Причина была только у матери — она всегда куда-то шла. Отец же двигался так, будто знал: если поспешишь, всё равно ничего не изменишь.

Он умылся во дворе, водой из ведра. Вода была холодная, колодезная. Он фыркнул, растёр лицо ладонями, потом вытерся рукавом. Мальчик стоял в дверях и смотрел. Отец посмотрел на небо, прищурился.

— К вечеру будет дождь, — сказал он. Не Рикардо Просто сказал.

Он вернулся в дом и стал собираться. Это было недолго. Он всегда собирался одинаково. Сначала ружьё. Он снял его со стены, проверил ствол, потом затвор. Движения были медленные, уверенные. Он делал это тысячу раз и не думал о том, что делает. Мальчик смотрел на его руки. У отца были руки человека, который много работает и мало говорит. На ладонях — мозоли, на указательном пальце — след от курка. Ноготь на этом пальце был чуть темнее остальных.

Потом отец достал из шкафа старую куртку. Она пахла дымом и лесом. Не хвоей, а именно лесом — мокрой корой, прелыми листьями, чем-то ещё, чему мальчик не знал названия. Отец надел её, застегнул пуговицы. Одна пуговица была пришита другими нитками, светлыми. Мать пришивала её прошлой зимой. Отец проверил карманы. В одном лежал нож в потёртых ножнах. В другом — кусок хлеба, завёрнутый в тряпицу. Хлеб был чёрствый. Отец не жаловался. Он никогда не жаловался на еду.

— Если стемнеет, запри дверь, — сказал он, не оборачиваясь.

— Хорошо.

— И не жди у окна.

Мальчик ничего не ответил. Он знал, что будет ждать. Всегда ждал. Но говорить об этом было незачем. Отец знал тоже. Он просто говорил то, что положено говорить.

Отец сел на табурет и стал завязывать шнурки. Шнурки были старые, с узлами. Он завязывал их медленно, как будто это было важное дело. Рикардо смотрел на его спину. Куртка была ему велика в плечах. Или он стал меньше. Или просто ссутулился. В волосах на затылке уже была седина. Мальчик не замечал раньше.

— Огонь поддерживай, — сказал отец. — Но не большой. Дров мало.

— Хорошо.

— И не открывай, если кто-то стучать будет. Даже если скажут, что от меня.

Мальчик кивнул. Он хотел спросить, почему. Но не спросил. В этом доме не принято было задавать лишние вопросы. Если отец говорит — значит, так надо. Мальчик только посмотрел на дверь. Дверь была старая, со щелью внизу. Под ней зимой дуло.

Отец встал. Взял ружьё. На мгновение он задержался у двери, будто что-то забыл. Но не забыл. Просто стоял. Мальчик смотрел на его руки. Отец держал ружьё так, как держат ложку за столом — привычно, без напряжения. Потом он открыл дверь.

В сени ворвался холодный воздух. Туман стоял во дворе, как молоко в миске. Он был густой, плотный, и в нём утопали звуки. Отец шагнул за порог. Мальчик остался стоять, где стоял.

Отец прошёл через двор. У калитки он обернулся.

— К вечеру, — сказал он.

Это было обещание. Он всегда так говорил. И всегда возвращался. Мальчик знал это. Но в этот раз почему-то захотелось, чтобы он сказал что-нибудь ещё. Что-нибудь важное. Например, что-нибудь о том, как чистить ружьё, или о том, где лежат спички, или о том, что делать, если стучат в дверь, а он не отвечает. Но отец не сказал. Он просто поднял руку — не помахал, а чуть приподнял, как будто поправил что-то в воздухе, — и пошёл по дороге.

Мальчик смотрел, как он уходит. Шаги были слышны ещё некоторое время. Потом их забрал туман. Сначала исчезли звуки, потом фигура. Дорога опустела. Мальчик постоял немного, потом закрыл дверь. Засов был тяжёлый. Он задвинул его медленно, чтобы не шуметь. Хотя шуметь было не для кого.

Он вернулся в комнату. Огонь горел слабо. Рикардо подбросил дров — немного, как велел отец. Дрова были сырые, и они зашипели. Сел на табурет. За окном было серо и тихо. Где-то далеко каркнула ворона. Потом и она замолчала.

Мальчик подумал, что до вечера ещё далеко. Он не знал, что ждать придётся не только до вечера. Он не знал, что отец не вернётся к вечеру. Он не знал, что в этот раз обещание будет другим. Он просто сидел и ждал. Как всегда.

4. Мальчик ждёт отца — приходит Фавн

Вечер пришёл раньше, чем отец. Мальчик заметил это не сразу. Сначала просто стало серее за окном. Потом серая пелена превратилась в сумерки. Потом сумерки — в темноту. Он сидел у огня и слушал, как трещит дерево. Огонь был небольшой, как велел отец. Мальчик подбрасывал по одному полену, чтобы хватило дольше.

Он не зажигал вторую лампу. Ему казалось, что если он зажжёт её, то признает: уже ночь. А значит, отец не вернулся к вечеру. А значит, что-то случилось. Мальчик не хотел признавать. Рикардо сидел в полутьме и смотрел на огонь.

В доме было тихо. Слишком тихо. Он слышал, как капает вода из ведра в сених. Как где-то за стеной скребётся мышь. Как ветер трогает ставню. Он знал каждый звук в этом доме. Знал, что ставня скрипит на одной и той же ноте. Знал, что мышь выходит к вечеру. Знал, что вода капает медленно, потому что ведро худое. Он знал всё, кроме того, где сейчас отец.

Он ждал. Сначала он сидел на табурете. Потом встал и прошёлся по комнате. Потом снова сел. Потом подошёл к окну и посмотрел на улицу. Улица была пустая. Туман стоял у домов,

как будто ждал чего-то вместе с ним. Мальчик вернулся к огню. Он не плакал. Плакать было некому. В доме не было никого, кто мог бы сказать: «Ну, будет, будет». Мать уехала. Сестра уехала. Отец не вернулся. Рикардо был один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.